П. А. Орлов

Русский сентиментализм

Фаине Зиновьевне
Канунковой
с глубоким уважением
от автора.
18 марта 1977 г.

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

П. А. Орлов

Русский сентиментализм

1-9805:60

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ КНИГ
*ТГУ.

Издательство
Московского университета — 1977

П. А. Орлов. РУССКИЙ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ. *Изд-во Моск. ун-та, 1977, 271 стр.*

В монографии исследуется одно из ведущих литературных направлений в России XVIII в. — сентиментализм. Рассматривается творческий метод писателей-сентименталистов, устанавливается периодизация этого литературного направления, его основные течения и жанры.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
докт. филол. наук А. В. ЗАПАДОВ,
канд. филол. наук А. А. СМИРНОВ

О $\frac{70202-190}{077(02)-77}$ 82—76

© *Издательство Московского университета, 1977 г.*

История вопроса

Русский сентиментализм в сравнении с другими литературными направлениями меньше изучен и еще меньше оценен. О писателях-сентименталистах, особенно о Карамзине, пишут статьи, диссертации, книги. Разрабатываются также отдельные проблемы, связанные с сентиментализмом [1], но монографических работ о направлении в целом пока нет.

Но дело не только в этом. За русским сентиментализмом закрепилась печальная репутация реакционного литературного направления. Это весьма распространенное мнение проникло в учебные пособия и, следовательно, сделалось достоянием широкой читательской массы. В «Основах теории литературы» Л. И. Тимофеева о сентименталистах — Карамзине, Дмитриеве — так прямо и сказано: «консервативные» [2] писатели. Эту же точку зрения можно найти во «Введении в литературоведение» Л. В. Щепиловой. Русский сентиментализм, пишет исследовательница, «явился направлением, выражавшим ин-

[1] Из последних работ, посвященных русскому сентиментализму, укажем следующие: Л. И. Кулакова. Русский сентиментализм и его противники. В кн.: «Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века». Л., «Просвещение», 1968; «Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX вв.». «XVIII век», сб. 8. Л., «Наука», 1969; С. Э. Павлович. Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII в. Изд-во Саратовского ун-та, 1974; Henry M. Nebel. N. M. Karamzin a russian sentimentalist. Hague—Paris, 1967; H. Rothe. N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. B.—Z., 1968; A. G., Cross. N. M. Karamzin. A study of his literary career. London and Amsterdam, 1971; K. Städtke. Die Entwicklung der russischen Erzählung (1800—1825). Academie-Verlag—Berlin, 1971.

[2] См. Л. И. Тимофеев. Основы теории литературы. М., «Просвещение», 1971, стр. 414.

тересы дворянства», которое стремилось «сохранить неприкосновенность феодально-крепостнических отношений»[3]. Между тем такое мнение о сентиментализме появилось сравнительно поздно и, по-видимому, явление преходящее.

Белинский, несмотря на свое в основном критическое отношение к писателям XVIII в., расценивал «карамзинский период» как явление важное и нужное в поступательном движении русской словесности. «Карамзину — писал он, — принадлежит честь основания новой эпохи русской литературы... Повести его... были... шагом вперед для русской поэзии»[4]. Этой мысли Белинский остался верен. В одной из своих последних статей — «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — он писал: «Карамзин первый оживил» русскую литературу, «перевел ее из книги в жизнь... Он был героем, Ахиллом литературы того времени»[5].

Представители культурно-историческóй школы — А. Н. Пыпин[6], Н. С. Тихонравов[7] — в соответствии со своей методологией не интересовались сентиментализмом как литературным направлением, но признавали серьезную и благотворную роль Карамзина в развитии русской литературы. Алексей Николаевич Веселовский[8] в круг сентименталистов уверенно ввел Радищева, которого в гражданском отношении ставил гораздо выше Стерна.

На органическую связь Карамзина с просветительским движением указывал В. В. Сиповский: «Карамзин, — писал он, — попал в самую середину этого потока, увлекавшего русское общество вперед»[9]. Критическое отношение к русскому сентиментализму было выражено в те годы Александром Николаевичем Веселовским в его монографии о Жуковском. Правда, он писал

---

[3] Л. В. Щепилова. Введение в литературоведение. М., «Высшая школа», 1968, стр. 340—341.

[4] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 122, 132.

[5] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. X, стр. 288.

[6] См. А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. IV. СПб., 1899, стр. 214.

[7] См. Н. С. Тихонравов. Соч., т. III., ч. 1. М., 1898, стр. 274.

[8] См. А. Н. Веселовский. Западное влияние в новой русской литературе, изд. 4-е. М., 1910, стр. 108.

[9] В. В. Сиповский. Карамзин — автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, стр. 15.

не о реакционности, а только о подражательности русского сентиментализма. Мнение свое Веселовский доказывал анализом произведений П. И. Шаликова, так как «школа», — по словам исследователя, — всего лучше выдает слабость ремесла»[10]. Тезис весьма спорный, тем более, если под «школой» разуметь бездарного эпигона. А. Н. Веселовскому удалось развенчать Шаликова, но русский сентиментализм от этого мало пострадал.

В 20-е годы о сентиментализме как о важном и прогрессивном литературном явлении писал П. Н. Сакулин. По его словам, сентиментализм — «большое и, может быть, еще недостаточно оцененное движение»[11].

В духе господствовавшего тогда вульгарно-социологического метода Сакулин рассматривает русский сентиментализм как выражение «психоидеологии» «среднего дворянства» и «буржуазии». Но важно то, что автор заметил «оппозиционный», передовой характер этого направления. «Под знамя сентиментализма, — пишет он, — собрались писатели демократически настроенные»[12]. Исследователь не ограничивает русский сентиментализм творчеством Карамзина и карамзинистов. Он различает три разновидности этого направления: «чувствительный» сентиментализм (Карамзин и его последователи), «дидактический» (Ф. Эмин, П. Львов, Вл. Лукин) и «социальный», «высшим проявлением которого... служит «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева»[13].

Переоценка идеологических ценностей русского сентиментализма наступает в 30-е годы, и начинает ее один из известных литературоведов того времени — Г. А. Гуковский. Речь идет пока не о Радищеве, которого Гуковский вслед за Сакулиным считает крупнейшим представителем демократического, революционного сентиментализма[14], а только о дворянском течении в лице Карамзина, его предшественников и последователей, которое исследо-

---

[10] А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904, стр. 42

[11] П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей, ч. 2. М., 1929, стр. 277.

[12] Там же, стр. 281.

[13] Там же, стр. 321.

[14] См. Г. А. Гуковский. Радищев как писатель. В сб.: «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 171—173.

ватель расценивает как реакционное явление в русской литературе.

Эта же точка зрения была высказана Гуковским в статье «У истоков русского сентиментализма»[15]; в главе учебника «Русская литература XVIII века» — «Начало русского сентиментализма»[16]; в главах академической «Истории русской литературы» — «Карамзин»[17] и «Основные течения общественной мысли 1760—1780-х годов»[18]. Всех дворянских сентименталистов от Муравьева до Карамзина, по словам исследователя, объединяют «релятивизм, разочарование в объективности истины... За этим «аполитизмом» стоит консерватизм»[19].

Следующий шаг по пути умаления общественного значения русского сентиментализма был сделан в 1949 г., когда из этого направления был исключен Радищев. «Юбилей Радищева, — писал П. Н. Берков, — принес решительный поворот в трактовке вопроса о принадлежности автора «Путешествия» к тому или иному направлению. В ряде статей... (В. Р. Щербины, Н. Л. Степанова, Н. К. Пиксанова...) были высказаны то более, то менее подробно аргументированные суждения о реализме и специально-критическом реализме Радищева»[20]. Берков был уверен, что, «переводя» Радищева из сентиментализма в критический реализм, он тем самым борется с теорией «единого потока». Но исследователь не предвидел, что, спасаясь от одного, он окажется во власти другого, и тоже «единого потока» — безбрежного критического реализма.

Среди работ, в которых была выражена мысль о Радищеве как о представителе критического реализма, отметим также статью Н. К. Пиксанова «Бедная Анюта» и «Бедная Лиза».

---

[15] См. Г. А. Гуковский. Очерки русской литературы XVIII века. Л., Гослитиздат, 1938, стр. 266.

[16] См. Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. Л., Учпедгиз, 1939, стр. 303.

[17] «История русской литературы», т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 55 и др.

[18] «История русской литературы», т. IV, ч. II. М., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 35 и др.

[19] См. Г. А. Гуковский. Очерки русской литературы XVIII века, стр. 266.

[20] П. Н. Берков. Некоторые спорные вопросы изучения А. Н. Радищева. «XVIII век», сб. 4. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 197.

Для включения писателя в определенное литературное направление Берков и Пиксанов предлагали установить его творческий метод. Само по себе это требование чрезвычайно важно. Но оба исследователя выводили метод непосредственно из философских и политических взглядов автора, то есть фактически отождествляли его с мировоззрением, что создавало новые непреодолимые трудности: необходимо было определить единое и общее для всех писателей данного направления мировоззрение. Поэтому-то Пиксанов считает всех сентименталистов реакционерами. «Мировоззрение сентименталистов, — пишет он, — идеалистическое... взгляды умеренно-либеральные, консервативные, в последнем счете реакционные»[21].

Но живой литературный материал нарушает эту схему. Что делать, например, с Руссо, который, хотя и идеалист, но уж во всяком случае не «реакционер»? Выход один: для сохранения стройности предлагаемой системы удалить Руссо из сентиментализма. Н. К. Пиксанов так и делает: «Элементы революционности, — заявляет он, — выключает его (Руссо. — *П. О.*) из круга сентименталистов»[22]. Вслед за Руссо та же участь постигает и Радищева[23].

П. Н. Берков, Н. К. Пиксанов и другие исследователи, которые выводили метод из мировоззрения, не предвидели еще одной опасности: ведь если быть последовательным, то и для критического реализма, так же как и для сентиментализма, необходимо установить единое философское и общественно-политическое мировоззрение. Однако эта задача абсолютно невыполнима. Здесь же берет начало и печальная традиция высокомерного, пренебрежительного отношения ко всему сентиментализму в целом, для характеристики которого исследователи не щадили темных красок, и дело дошло даже до отрицания карамзинского периода в русской литературе, провозглашенного самим Белинским[24].

Мысль о Радищеве как о представителе критического

---

[21] «XVIII век», сб. 3. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 312.
[22] Там же.
[23] Там же, стр. 321.
[24] См. Г. П. Макогоненко. Был ли карамзинский период в русской литературе? «Русская литература», 1960, № 4.

реализма также не получила всеобщего признания, и ряд исследователей продолжали видеть в нем революционного сентименталиста. «В своих революционных выводах, — писал Н. И. Мордовченко, — русский сентиментализм... получил ярчайшее воплощение у Радищева»[25].

В. Н. Орлов рассматривал русский сентиментализм как сложное в идеологическом отношении явление, а творчество Радищева уверенно относил к революционному течению[26]. О Радищеве как о революционном сентименталисте писал и К. Н. Григорьян[27]. В трехтомной «Истории русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого говорится о наличии «двух противоположных течений в русском сентиментализме», воплощением которых и является «деятельность Радищева и Карамзина»[28].

Этой же точки зрения придерживается и ряд зарубежных исследователей. В работе немецкого литературоведа Э. Веделя Радищев и Карамзин названы «главными представителями сентиментализма в России»[29]. Другой немецкий исследователь Х. Грассгофф в статье «Литературные направления», отмечая различие между Радищевым и Карамзиным в социальных и политических взглядах, тем не менее называет Радищева «сентименталистом»[30].

Ошибка П. Н. Беркова, Н. К. Пиксанова и близких к ним исследователей состояла не в стремлении установить для литературного направления определенный творческий метод, а в том, что сам метод они отождествляли с философскими и политическими взглядами писателей. Необходимо было найти для творческого метода более правильное определение.

---

[25] Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. М—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 18.

[26] См. В. Н. Орлов. Радищев и русская литература. Л., «Советский писатель», 1952, стр. 32.

[27] См. К. Н. Григорьян. Лермонтов и романтизм. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 35—36.

[28] «История русской литературы» в 3-х томах, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 572.

[29] Erwin Wedel. Radiščev und Karamzin. «Die Welt der Slaven», H. 1. Wiesbaden, 1959, S. 38.

[30] H. Grasshoff. Zum Begriff der literarischen Strömungen in der Literaturwissenschaft. Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts, H. R. 28. Berlin, 1963, S. 73.

Такую попытку в 1959 г. делает Г. П. Макогоненко. Понимая, что считать Радищева писателем критического реализма преждевременно и неисторично, исследователь видит в нем одного из представителей просветительского реализма XVIII в., куда относит также Н. Новикова, Фонвизина, Державина и Крылова. Для обоснования своей идеи исследователь устанавливает три признака того метода, который он называет «методом русского Просвещения»: 1) «понимание внесословной ценности человека», 2) «установление обусловленности характера человека условиями его бытия» и 3) «возможность показа национальной обусловленности характера». «В своем внутреннем единстве, — резюмирует свои выводы Макогоненко, — указанные три черты характеризуют новый художественный метод как реализм»[31]. Классицизм и сентиментализм выводятся им за рамки просветительской идеологии.

Уязвимые места предложенного решения были скоро замечены. А. Штамбок правильно указал на неправомочное отделение от Просвещения просветительского классицизма и сентиментализма. Три особенности художественного метода просветительского реализма, установленные Макогоненко, по словам А. Штамбока, не противостоят, а фактически «совпадают с просветительской эстетикой русского классицизма и отчасти сентиментализма»[32]. Что касается учения о внесословной ценности человека, то это, по верному замечанию Д. Д. Благого, — общая черта идеологии всех просветителей, не имеющая непосредственного отношения к творческому методу[33]. Развивая мысль Д. Д. Благого, Н. Л. Степанов указал также на то, что, подменяя творческий метод «идеологическими и философскими категориями», Макогоненко «необычайно» расширяет рамки просветительского реализма. «Ведь под такую формулировку, — замечал Степанов, —

---

[31] Г. П. Макогоненко. Русское просвещение и литературные направления XVIII века. «Русская литература», 1959, № 4, стр. 44, 47, 51.

[32] А. Штамбок. Куда ведет схоластика. «Вопросы литературы», 1961, № 3, стр. 108—110.

[33] См. Д. Д. Благой. Реализм Пушкина в соотношении с другими литературными направлениями и художественными методами. В сб.: «Реализм и его соотношения с другими творческими методами». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 100.

можно подставить фактически почти любое из произведений XIX в.» [34].

В более поздних работах Макогоненко ряд ошибочных положений был снят. Так, в статье «Был ли карамзинский период русской литературы?» сентиментализм уже объявлен им направлением, сложившимся «под воздействием идей Просвещения» [35]. Ту же мысль находим в его книге «От Фонвизина до Пушкина». «Сентиментализм, — пишет автор, — вырос на той же, что и реализм, почве просветительской идеологии» [36]. Исследователь признает теперь, что между просветительским реализмом и сентиментализмом много общего: оба «способствовали демократизации литературы... провозглашали внесословную ценность человека» [37]. В этой же книге Макогоненко пересматривает утверждавшееся им ранее положение о том, что «сентиментализм не показывал связей своего героя с условиями бытия вообще, национального существования в частности» [38]. «Просветительская идеология, — пишет он, — открыла им (сентименталистам. — *П. О.*) не только идею личности, но и понимание зависимости ее от обстоятельств» [39].

И все же наряду с правильными выводами в работах Макогоненко по-прежнему сохраняется недоброжелательное отношение к сентиментализму. Проявляется это в стремлении исследователя противопоставить весь сентиментализм просветительскому реализму в этическом плане. «Сила реалистов XVIII века, — утверждает он, — в том, что еще до победы буржуазии они отвергли эгоизм как метод самоутверждения человека и, опираясь на опыт истории, стали раскрывать подлинные условия самореализации личности: ее связь с народом, выражение ею идеалов своего времени, стремление к деятельности на общее благо, ее потребность действовать не одиночно, но в единстве с другими...» [40]. Всех сентименталистов ис-

---

[34] Н. Л. Степанов. Просветительский реализм XVIII — начала XIX в. В сб.: «Проблемы типологии русского реализма». М., «Наука», 1969, стр. 169.

[35] «Русская литература», 1960, № 4, стр. 8.

[36] Г. П. Макогоненко. От Фонвизина до Пушкина. М., «Художественная литература», 1969, стр. 62.

[37] Там же.

[38] «Русская литература», 1959, № 4, стр. 50.

[39] Г. П. Макогоненко. От Фонвизина до Пушкина, стр. 62.

[40] Там же, стр. 68.

следователь обвиняет в буржуазной ограниченности, в «эгоизме». «Человек сентиментализма, — пишет он, — велик своим чувством, своей любовью, своей семьей, своим очагом, своими добродетелями, своей семьей» [41].

Итак, реалисты «отвергают эгоизм как метод самоутверждения человека». Сентименталисты, напротив, проповедуют самый откровенный эгоизм. Такова еще одна схема, предложенная Макогоненко.

В действительности все было иначе. Мысль об эгоистической основе человеческого поведения — краеугольный камень всей просветительской этики. Проповедь «эгоизма» в то время несла революционизирующее начало, поскольку помогала отстаивать права личности от враждебных этических, религиозных, социальных и политических норм феодального государства. Просветители искренне верили, что в разумно устроенном обществе интересы каждого человека гармонически сочетаются с интересами других людей. «Никакого своекорыстия... тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели... противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» [42],— писал Ленин о просветителях XVIII в. Теорию «разумного эгоизма» даже в XIX в. разделяли Чернышевский и его единомышленники.

Эгоизм в XVIII в. проповедуют и реалисты и сентименталисты. Не составлял исключения и Радищев. Наблюдая «увеселительное» для него «зрелище» вышневолоцкого канала, он восклицает: «Тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие» [43]. Крестьянин хорошо трудится на своей ниве, потому что «рачит о себе, работает для себя, делает про себя» [44]. Любовь к себе, подчеркивает писатель, вытекает из самой природы человека, «коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние» [45]. Эгоистиче-

---

[41] Г. П. Макогоненко. От Фонвизина до Пушкина, стр. 63.
[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.
[43] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 323.
[44] Там же, стр. 319.
[45] Там же, стр. 278.

скую подоплеку человеческих действий пространно доказывает в «Путешествии» и крестецкий дворянин.

Следовательно, эгоизм и отношение к нему писателей не могут быть приняты в качестве разделительного признака для литературных направлений XVIII в. Выдвинув правильную идею о необходимости определять литературные направления на основе присущего им творческого метода, Г. П. Макогоненко подменил этот принцип этическими категориями. Но сама дифференциация литературных направлений по этическим признакам заведомо обречена на неудачу.

История изучения русского сентиментализма свидетельствует о том, что попытка увидеть в нем однотипное и тем более реакционное явление не увенчалась успехом. Не оправдали себя и те работы, в которых творческий метод писателей отождествлялся с политическими, философскими или моральными убеждениями. Поэтому дальнейшее изучение сентиментализма оказывается тесно связанным с разработкой самого понятия творческого метода.

Оглавление

История вопроса 3

Глава I. Русский сентиментализм как литературное направление 13

Глава II. Русский сентиментализм 1760—1775 гг. . . . 34
Лирика 34
Проза 52
Драматургия 68

Глава III. Русский сентиментализм 1776—1788 гг. . . . 85
Сентиментальная комическая опера 85
Поэзия М. Н. Муравьева 94
Сентиментализм и масонство 109

Глава IV. Русский сентиментализм 1789—1796 гг. . . . 144
Демократический сентиментализм 145
Дворянский сентиментализм 184

Глава V. Русский сентиментализм 1797—1811 гг. . . . 235
Последние повести Н. М. Карамзина . . . 235
Кризис русского сентиментализма 250

Заключение 267